

В. И. Мильдон

Сократ о Чичикове, или О степени античного влияния на славянскую культуру

В небольшой заметке «Гоголь и Петрарка» (1918) В. В. Розанов заметил: «...мелькает мысль о сходстве исторической роли Гоголя с исторической ролью Петрарки»¹. Итальянский поэт принадлежал к национальному умственному движению, чья главная идея – единая Италия – опиралась на представление о величии древнего Рима эпохи принципата Августа. Литература той эпохи (Вергилий, Гораций, Овидий) пророчествовала империи всемирное господство, поскольку та предназначена руководить народами. И Петрарка надеялся, что в современной ему Европе Италия, наследуя Греции и Риму, займет их место: «Думаю, никто не станет отрицать, что итальянская слава чуточку громче греческой»². Сравнивая Рим и Париж, он повторил формулу Цицерона: «...один столица мира и царь городов, другой рассадник образованности нашего времени...»³

Гоголь видел Россию, напоминающую Рим Петрарки. Так, он сообщал А. С. Данилевскому из Рима в августе 1841 г.: «Ничего не пишу тебе о римских происшествиях, о которых ты меня спрашиваешь. Я уже ничего не вижу перед собой... Всё, что мне нужно было, я забрал **и заключил себе в глубину души моей. Там Рим** как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мной...» (XI, 343)⁴. То есть, Рим в его душе, он и есть душа, и всё, что пишется о Риме, выражает то, что на душе, озабоченной происходящим в России. И Розанов заметил: «...Если принять во внимание, как он [Гоголь. – В. М.] любил Рим, *влюбился* в него сразу... то отчего не понять, что был он вовсе не русским обличителем, а европейским...»⁵

Что не нравилось Гоголю в Европе?

В набросках так и не отправленного ответа Белинскому на его критику «Выбранных мест из переписки с друзьями» он писал: «Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово... Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все друг друга готовы съесть, и всё носит такие раздражающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призрак... и ежели <пытались её> хватать руками, она рассыпается» (XIII, 438–439).

Во фрагменте «Рим» (и, замечу попутно, в замысле трехтомной поэмы «Мертвые души») Гоголь искал ответа не только на вопрос «Куда же несется Русь?», но и – Розанов прав! – «Куда же несется Европа?» Оба вопроса в его понимании относились к одной проблеме: Европа пропадает, ее должна спасти Россия – в этом ее божественная миссия. Гоголь почти так и говорит: «Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поветрием (мыслью о своем грядущем первенстве в мире. – В. М.) и не пророчествуют о себе, а пророчествует только одна Россия? – Затем, что **она сильнее других слышит Божью руку** на всём, что ни сбывается в ней, и чует приближение иного царствия» (статья «О лиризме наших поэтов»; VIII, 251); «В России еще брезжит свет, есть еще пути и дороги к спасению...»; «Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках» (статья «Страхи и ужасы России»; VIII, 344, 345).

Иными словами, русская слава громче итальянской. Если так, не удивительно не только сходство, по мысли Розанова, исторической роли Гоголя и Петрарки, но и некоторое совпадение высказываний. Предшественник Петрарки, поэт XIII в. Якопоне да Тоди писал в одном из стихотворений: «**Как железо плавится** в огне и как воздух принимает отображение солнца <...> так исходит мой дух в тебе, облаченный в любви; утратив собственное качество, он <...> преобразен только в тебя, Христос...»⁶ Нечто похожее должно было произойти с Чичиковым: по замыслу Гоголя, тот уподоблялся едва ли не Спасителю, и переживания персонажа во втором томе «Мертвых душ» по смыслу напоминают чувства из цитированного выше стихотворения итальянского поэта: «Вся природа его потряслась и размягчилась. **Расплавляется и платина**, твердейший из металлов <...> поддается и крепчайший муж в горниле несчастий, когда усиливаясь, они нестерпимым огнем своим жгут отверделую природу» (VII, 115).

Преображенный Чичиков нужен был Гоголю для нравственного примера соотечественникам, чтобы те, избавившись от дурного в их душах, оправдали бы его убеждение в историческом призвании России спасти Европу. В одном из писем Гоголь почти так и написал, рассчитывая на продолжение «Мертвых душ» и объяснив, почему был сожжен первый вариант 2-го тома: «Прежде мне было возможно скорее писать, обдумывать и вы-

давать в свет, когда дело касалось только того, что достойно осмеянья в русском человеке, только того, что в нем пошло, ничтожно и составляет временную болезнь и наросты на теле, а не самое тело, но теперь, когда дело идет к тому, чтобы выставить наружу все здоровое и крепкое в нашей природе и выставить его так, чтобы увидели и сознались даже не признающие этого, а те, которые **пренебрегли развитие великих сил, данных русскому**, устыдились бы, – с таким делом нельзя торопиться» (из письма графу Л. А. Перовскому в июле 1850 г.; XIV, 279).

Действительно, на сохранившихся от сожжения страницах второго варианта 2-го тома есть следы начавшегося преображения Чичикова, который, сидя в тюрьме, «казалось, что-то осязал. Казалось, природа его темным чутьем стала слышать, что **есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле**, который можно исполнять всюду, на всяком угле, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движенья, летающие вокруг человека» (VII, 115).

Эти слова напоминают сцену из диалога Платона «Федон», когда приговоренный к смерти Сократ беседует в тюрьме с друзьями. «Ничего нового я не скажу, Критон, – замечает Сократ, – только то, что говорил всегда: **думайте и пекитесь о себе самих**, и тогда, что бы вы ни делали, это будет доброю службой и мне, и моим близким, и вам самим, хотя бы вы сейчас ничего и не обещали. А если вы не будете думать о себе <...> вы ничего не достигнете, сколько бы самых горячих обещаний вы сейчас ни надавали»⁷.

«Пекитесь о себе самих» и есть тот долг, о котором задумался Чичиков, и позже, в одном из эпизодов «Выбранных мест», Гоголь повторит суждение Сократа: «Прежде чем приходить в смущенье от окружающих беспорядков, **недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу** <...> Бог вещь, может быть, там увидите такой же беспорядок, за который браните других <...> Лучше в несколько раз больше смутиться от того, что внутри нас самих, нежели от того, что вне и вокруг нас» (VIII, 345).

Нет достаточных поводов утверждать, что Гоголю были тогда известны диалоги Платона, поэзия Якопоне да Тоди или «Письма о делах повседневных» Петрарки. Полагаю, что указанная близость гоголевского персонажа к образам европейской литературной традиции носит не заимствованный, но самопроизвольный характер и является результатом – в этом и заключена главная мысль моего сообщения – **однотипного** духовного развития вне зависимости от истории, национальной и географической принадлежности автора(-ов).

Сочинения древнегреческого философа были доступны Гоголю. С 1780 по 1785 год «Диалоги» Платона были изданы в трех частях, а среди них (в первой же части⁸) упомянутый диалог «Федон», и Гоголь мог его читать. Но целый ряд косвенных признаков (в частности, во всем его литературном наследии нет ни слова об этом) указывает на то, что мысль писателя развивалась вполне самостоятельно. Историк отечественной

философии отметил: «В теоретических этюдах (а Гоголь всю свою жизнь рядом с художественными произведениями писал те или иные теоретические статьи – мыслитель в нем не поглощался художником) можно было бы найти, при более детальном исследовании, точки соприкосновения с важнейшими течениями духовной жизни Европы, влиявшими на русскую мысль. Правда, сплошь и рядом Гоголь знакомился с ними из вторых рук, из современной журнальной литературы, но *тем поразительнее его духовная отзывчивость на эти центральные идеи его времени, тем ярче выступает самостоятельность и продуктивность его собственной мысли*»⁹.

Вот эта самостоятельность мысли Гоголя и дает некоторые основания для моего предположения (независимо от того, был или не был он знаком с диалогами Платона, хотя прямых следов влияния не обнаруживается). И велика вероятность, что подмеченные черты совпадения есть результат духовной отзывчивости писателя не только и не столько на идеи своего времени, но и на идеи вневременные, свойственные европейской духовной культуре с момента её возникновения.

Гоголь не закончил поэмы, и дальше обещаний Муразову раскаяние Чичикова не изображено. Однако есть повод сблизить сказанное Сократом с этими обещаниями. Их смысл состоял в том, что герой Гоголя осознал: пока не изменишься сам, безуспешны твои попытки изменить что-то вокруг себя. Это суждение – фундамент того, что можно именовать европейским гуманизмом, европейской идеей, истоки которой восходят к античной эпохе и наследовались послеантичной Европой – в первую очередь, Италией.

Гоголь, повторяю, тоже был убежден в особой исторической роли России, в её божественном предназначении: «Я слышал то *великое поприще*, которое никому из других народов теперь невозможно и *только одному русскому народу возможно...*» («Четыре письма разным лицам...»; VIII, 292); «Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово Евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена Небесного Сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но <...> только попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва – русская восприимчивая природа» (из письма графине А. М. Виельгорской в марте 1849 г.; XIV, 109).

Чтобы это произошло на деле, и нужен был Чичиков-святой.

Так может выглядеть расшифровка мысли Розанова о близости исторических значений Петрарки и Гоголя.

Причину и упомянутых, и других совпадений (того, что В. Зеньковский назвал отзывчивостью Гоголя) объяснила аналитическая психология. К. Г. Юнг писал: «Бессознательное, как историческая подпочва психики, содержит в себе в концентрированной форме весь последовательный ряд впечатлений, обуславливавший с неизмеримо давних времен современную психическую структуру <...> Эти впечатления функций представля-

ются в виде мифологических мотивов и образов, которые встречаются у всех народов, являясь отчасти тождественными, отчасти очень похожими друг на друга; их можно проследить без труда и в бессознательных материалах современного человека»¹⁰. То есть, всё дело – в общем основании человеческого бытия. Утверждение И. В. Киреевского «Классического древнего мира не доставало нашему развитию»¹¹, при формальной верности, сейчас читается иначе: да, не доставало, ибо Россия (в нашем случае – Гоголь) своим умом дошла до того, что впервые открыл классический мир, Греция, прежде всего, поскольку всякий народ (и отдельный человек) проходит один и тот же путь.

Этим объясняется, почему «античное» не наследовалось славянской культурой и не влияло на нее, а добыто собственным умом, будучи, по Юнгу, развитием «мотивов и образов, **которые встречаются у всех народов**» как универсальное направление всемирной культуры. Современная философская антропология на сей счет уже не спорит. Национальные отличия культур второстепенны, как и разница между народами, ибо первостепенно содержание, и до него каждый народ добирается в свое время: один раньше, другой позже.

Если признать это суждение верным, тогда будет ошибочно *другое*: будто Россия, как полагал Н. Я. Данилевский, принадлежит к особому культурно-историческому типу, «славянскому»¹², – как ошибочна и сама идея культурно-исторических типов, ставшая широко известной после выхода книги О. Шпенглера «Закат Европы» (1918), как ошибочно убеждение Гоголя в особой роли России, противоречащее его же художественным открытиям, позволяющим утверждать родство (а не заимствование) славянской культуры с античной, а шире – с европейской, отрицаемое Данилевским и Шпенглером.

Сегодня, после открытий аналитической психологии, говорить об особом национальном пути, о преимуществах одного народа перед остальными – заблуждение, противоречащее культурному развитию человечества. Это заблуждение свидетельствует об устойчивом архаическом сознании, кому бы оно ни принадлежало, и ныне такие суждения можно рассматривать как разновидность интеллектуального суеверия.

Примечания

¹ Розанов В. В. Сочинения. М., 1990. С. 444; курсив автора.

² Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных // Он же. Эстетические фрагменты. М., 1982. С. 64.

³ Там же. С. 94.

⁴ Жирный курсив в цитатах везде мой. – В. М.

⁵ Розанов В. В. Цит. соч.

⁶ Цит. по изд.: Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004. С. 54.

⁷ Платон. Диалоги. СПб., 2014. С. 166.

⁸ Творения велемудрого Платона. Часть первая, переложенная с греч. яз. на русский И. Сидоровским и М. Пахомовым, находящимся при обществе благородных девиц // Творения велемудрого Платона... Ч. 1–3. СПб., 1780–1785. [25 диалогов].

⁹ *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 27.

¹⁰ *Юнг К. Г.* Психологические типы. М., 1996. С. 211.

¹¹ *Киреевский И.* Критика и эстетика. М., 1998. С. 95.

¹² *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 469 и след.